

Контекстуальные определения и их применимость в юридическом языке¹

Аннотация. Контекстуальные определения в рамках современной логики и философии науки получили широкое распространение и объяснение; более того, они приобрели самостоятельное эпистемологическое значение, наряду с другими видами определений. Однако в гуманитарных науках их применимость не раз ставилась под сомнение и оспаривалась. Автор же, напротив, обосновывает тезис, что эффективность контекстуальных определений, в частности в юридическом языке, ничуть не ниже, а иногда даже гораздо выше, чем эффективность родо-видовых определений. В современной, прежде всего западной, юридической науке продолжает доминировать точка зрения И. Бентама и Г. Л. А. Харта, что контекстуальное определение противопоставляется родо-видовому определению, причем последнее применительно к анализу юридических понятий признается неэффективным и непродуктивным. Автор же придерживается мнения, что эти два вида определений вполне могут сосуществовать и в некотором смысле дополнять друг друга, принимая во внимание различные области их применимости. Основной и наиболее характерной областью применения контекстуальных определений, по мнению автора, являются конституционно-правовые нормы. Конституционные нормы при таком подходе рассматриваются в качестве контекстуальных определений основных понятий, с помощью которых формулируются другие нормы системы права. Контекстуальные определения оказываются весьма полезными тогда, когда нам необходимо разъяснить предельно общие понятия и термины, встречающиеся, например, в тексте Конституции. В результате чего определяемые термины становятся семантически осмысленными, а их употребление в юридическом языке синтаксически непротиворечивым.

Ключевые слова: контекстуальное определение, родо-видовое определение, юридический язык, юридические понятия, термины.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.100.3.011-020

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-1530.2018.6).

© Оглезнев В. В., 2019

* Оглезнев Виталий Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета
ogleznev82@mail.ru
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, д. 36

В современной научной и учебной юридической литературе принято считать, что классический (или традиционный с точки зрения логики) способ определения понятий через установление ближайшего рода и видового отличия, детально разработанный Аристотелем и средневековыми схоластами, является наиболее эффективным и продуктивным. Действительно, применение родо-видовых определений в современной юриспруденции становится не просто основным, но само собой разумеющимся: например, Л. Ф. Апт указывает, что «значительная (если не большая) часть определений в правовой науке и законодательстве формулируется именно таким способом»², а В. Д. Титов утверждает, что «действительно наиболее “прозрачное” и экономное определение через указание ближайшего рода и видового отличия <...> большинство юристов справедливо считают основной формой юридических определений»³. И это на самом деле так. Данный способ определения весьма полезен, когда в процессе познания нам необходимо дать определение тому или иному понятию, род которого уже известен, и потому остается только с помощью видового отличия в этом роде установить класс тех предметов, которые необходимо определить. Но что делать, когда род неизвестен или не удастся его установить? Тогда, по-видимому, следует обратиться к другим способам определения, разработанным современной логикой. Конечно, не все способы определения могут быть использованы в юриспруденции, большая их часть была разработана для потребностей других наук (прежде всего для логики и математики). Но даже среди тех способов определения, применимость которых в юридическом языке, казалось бы, не должна вызывать сомнений, есть такие определения, использование которых вызывает острые дискуссии. Одним из таких способов является контекстуальное определение. Эпистемологическое значение контексту-

альных определений в гуманитарных науках не раз ставилось под сомнение и оспаривалось, но здесь же мы, напротив, хотим обосновать тезис, что эффективность контекстуальных определений, в частности в юридическом языке, ничуть не ниже, а иногда даже гораздо выше, чем родо-видовых определений.

Но прежде чем приступить к исследованию применимости контекстуальных определений в юридическом языке, следует рассмотреть их природу и значение в том виде, в котором они представлены в современной логике, а также то, чем они отличаются от других определений. Необходимость такого рассмотрения связана еще и с тем, что даже среди логиков (не говоря уже о представителях юридической науки) нет однозначного понимания того, что представляя собой контекстуальные определения.

Так, например, А. Пап предлагает с точки зрения формального критерия различать явные (эксплицитные) и контекстуальные определения, причем последние так называются потому, что они «определяют термин в контексте предложения (более точно, в пропозициональной форме), которое его содержит»⁴. По мнению Папа, эта техника может быть вполне эффективной, когда нам необходимо дать определение терминов отношения, например «дядя кого-то», «дедушка кого-то», «племянник кого-то» и т.д. Иными словами, контекстуальные определения в первую очередь предназначены для терминов, «которые не имеют значения как-то обособленно, но только в контексте целостного высказывания (“синкатегорематические” термины)»⁵. То есть в отличие от явных определений, в контекстуальных мы не можем подобрать синоним определяемому термину, который мог бы заменить, например, слово «брат» в предложениях вроде «X брат Y» или «Y X нет брата». Но определив слово «брат кого-то» контекстуально («X брат Y» означает «X — человек мужского пола, и у X и Y общие родители»), мы можем

² Апт Л. Ф. Дефиниции и право. М. : Академия, 2008. С. 13.

³ Титов В. Д. О специфике определений в юриспруденции // Логико-философские штудии. 2005. № 3. С. 199.

⁴ Pap A. Theory of Definition // Philosophy of Science. 1964. Vol. 31. No. 1. P. 51.

⁵ Pap A. Op. cit. P. 52.

затем преобразовать его в явное определение: брат — это человек, который является братом какого-то другого человека.

Противоположной точки зрения придерживается Д. Грейман, который отмечает, что к контекстуальным определениям, в отличие от явных (эксплицитных), неприменимо правило взаимозаменяемости дефиниендума и дефиниенса. Контекстуальные определения, по его мнению, «демонстрируют не то, как *дефиниендум* может быть переведен в другой термин, но только то, как все предложение, содержащее *дефиниендум*, может быть переведено в предложение, его не содержащее»⁶. В качестве примера Грейман рассматривает определение определенной дескрипции «нынешний король Франции», сформулированной Б. Расселом: «Эксплицитное определение определенной дескрипции “нынешний король Франции” имело бы форму “нынешний король Франции = *a*”. Контекстуальное определение, напротив, имело бы форму “нынешний король Франции есть *F*, если и только если *p*”, когда в выражение указанной формы переводится не термин “нынешний король Франции”, но любое предложение формы “нынешний король Франции есть *F*”»⁷. Из чего Грейман делает вывод, что онтологическая привлекательность контекстуального определения заключается в его потенциале, позволяющем избегать некоторых нежелательных онтологических обязательств, которые предполагаются грамматикой естественного языка.

Более радикальную позицию относительно видов определений занимает Г. Рейхенбах, ко-

торый предлагает по формальным основаниям рассматривать только два вида: родо-видовые определения и определения в употреблении (*definitions in use*)⁸. Мы не можем, например, определить термин «метаболизм» при помощи родо-видового определения, но можем определить предложение «У человека нормальный метаболизм» или «У человека сниженный метаболизм» при помощи набора предложений о процентном соотношении определенных веществ в его крови, т.е. контекстуально. Такое определение Рейхенбах называет *соотносительным определением*⁹, суть которого сводится к следующему: «Если мы вводим новый термин посредством такого определения, мы не определяем его *эксплицитно*, но *имплицитно*, т.е. в сочетании с другими терминами. <...> Такая процедура вполне оправдана, потому что мы, на самом деле, используем не изолированный термин “метаболизм”, но только определенные предложения, в которых он встречается; знать значение таких предложений достаточно для любой практической цели. Такие определения часто называются *определениями в употреблении*»¹⁰. Значимость таких определений состоит в том, что они позволяют нам, по мнению Рейхенбаха, определить абстрактный термин посредством отсылки к конкретному термину, в то время как родо-видовое определение определяет абстрактный термин посредством отсылки к более абстрактному термину. К схожей мысли приходит А. Дж. Айер: «Мы определяем символ *в употреблении*, не утверждая его синонимичность с некоторыми другими симво-

---

⁶ Greimann D. Contextual Definitions and Ontological Commitment // Australasian Journal of Philosophy. 2009. Vol. 87. No. 3. P. 359.

⁷ Greimann D. Op. cit. P. 359. См. также: Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 7—22.

⁸ Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. London : Macmillan, 1947. Pp. 21—22. Определения в употреблении, как мы далее увидим, представляют собой особую разновидность контекстуальных определений.

⁹ Соотносительное определение Рейхенбаха оказало влияние на теорию «правил соответствия» Р. Карнапа, которая, в свою очередь, по-видимому, повлияла на теорию определения юридических понятий А. Росса, как мы далее увидим. См.: Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. М. : Прогресс, 1971. С. 310—319 ; Оглезнев В. В., Суrowцев В. А. Альф Росс об определении в юридическом языке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 224—225.

¹⁰ Reichenbach H. Op. cit. P. 22.

лами, но показывая, как предложения, в которых он значимо встречается, можно перевести в эквивалентные предложения, которые не содержат ни сам *дефиниендум*, ни какой-либо из его синонимов»¹¹. То есть, «вместо того чтобы определять тот или иной термин независимо от контекста, мы определяем его в контексте иных терминов, в совокупности с которыми он чаще всего встречается»¹². Дефиниендум в таком определении представляет собой некоторое предложение (контекст), где основные его термины определяются совместно.

Как мы видим, в литературе встречаются различные подходы к пониманию контекстуальных определений, но в целом их многообразие сводится к тому (на что верно обращают внимание В. А. Бочаров и В. И. Маркин), как понимается «контекстная зависимость определяемого термина»: либо это *определение через контекст*, либо *контекстуальное определение*, причем последнее относится к числу явных определений, а первое — к числу неявных¹³.

Эпистемологическое значение контекстуальных определений, таким образом, связывается с идеей о «контекстной зависимости» значения терминов, т.е. с тем, что в истории философии получило название «принцип контекстности»: «о значении слова нужно спрашивать не в его обособленности, а в контексте предложения»¹⁴, «всегда необходимо учитывать полное предложение; только в нем слова обладают подлинным значением»¹⁵. Однако первые упоминания важности контекстуальных определений и контекстной зависимости обнаруживаются еще в работах И. Бентама. По словам У. В. О. Куайна, идея контекстуальных определений Бен-

тама «произвела революцию в семантике; возможно, не такую неожиданную, как революция Коперника в астрономии, но тем не менее центр дискуссий сместился: первичным носителем значения стало рассматриваться не слово, но предложение»¹⁶. Революционный характер подхода Бентама заключался в том, что «он признал, что для того, чтобы объяснить термин, нам не надо устанавливать объект, к которому он отсылает, нам даже не надо подбирать синонимичное слово или фразу; нам следует лишь показать, как этот термин используется во всех возможных употреблениях»¹⁷.

Объяснение этого нового метода исследования в наиболее полном виде представлено, пожалуй, в таких работах Бентама, как «A Fragment on Government» и «Essay on Logic», и в целом сводится к следующему: «Единственным методом для разъяснения слов *обязанность*, *субъективное право*, *вещное право* и других терминов того же рода, в изобилии представленных в этике и юриспруденции, посредством которого может быть передано любое правило, является метод *парафразы* (*paraphrasis*). <...> Можно сказать, что слово разъясняется через *парафраз*, когда не одно это слово переводится в другие слова, но некоторое целостное предложение, частью которого является данное слово, переводится в другое предложение. Слова этого другого предложения становятся ясными или более простыми, чем ранее»¹⁸. Таким образом, «словом “парафраз” можно обозначить такое изложение, когда суждение, субъектом которого является не что иное, как вымышленная сущность, превращается в суждение, субъектом которого выступает реаль-

¹¹ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. М. : Канон+, 2010. С. 85.

¹² Горский Д. П. Определение: логико-методологические проблемы. М. : Мысль, 1974. С. 53.

¹³ Бочаров В. А., Маркин В. И. Введение в логику. М. : Форум, 2008. С. 438.

¹⁴ Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск : Сибирское университетское издательство, 2008. С. 139.

¹⁵ Фреге Г. Указ. соч. С. 196.

¹⁶ Quine W. V.O. Five Milestones of Empiricism // Theories and Things. Cambridge : Harvard University Press, 1981. P. 69.

¹⁷ Quine W. V.O. Epistemology Naturalized // Ontological Relativity and Other Essays. New York : Columbia University Press, 1969. P. 72.

¹⁸ Bentham J. A Fragment on Government. Oxford : The Clarendon Press, 1891. P. 233.

¹⁹ Bentham J. Essay on Logic // The Works of Jeremy Bentham. Edinburgh : William Tait, 1843. Vol. 8. P. 246.

ная сущность»¹⁹. Таким образом, революция Бентама в семантике, на которую указывает Куайн, заключается: во-первых, в признании эффективности контекстуальных определений абстрактных понятий и, во-вторых, в идее, что предложения, а не слова являются «первичным носителем значения». Именно первый тезис для целей настоящей статьи представляет особый интерес. Но это несколько не умаляет значения второго тезиса, который оказал существенное влияние на развитие семантических концепций в философии XX в., что является предметом отдельного исследования.

Но вернемся к идее об эффективности контекстуальных определений применительно к абстрактным юридическим понятиям. Как указывает Бентам, абстрактный характер большинства понятий и терминов юриспруденции не позволяет применить к ним традиционный способ родо-видового определения: «Общий метод определения — метод *per genus et differentiam*, как его называют логики, во многих случаях вообще не будет отвечать заданной цели. Среди абстрактных терминов мы вскоре обнаруживаем такие, которые не имеют *высшего рода*. Ясно, что мы не сможем ничего добиться, применяя к ним определение *per genus et differentiam*, которое следует либо прекратить, либо развернуть его, так сказать, на себя»²⁰. Парафраз, таким образом, с одной стороны, позволяет избежать отмеченных сложностей, а с другой — выступает надежным средством прояснения значения определяемых понятий. Как верно отмечает С. Бронзо, эта техника становится для Бентама своеобразным лекарством от «словоблудия и бессмыслицы»²¹, позволяющая избавить содержание юридических понятий от всего нерелевантного и случайного.

Таким образом, идея Бентама заключалась в том, что смысл юридических понятий нельзя рассматривать изолированно, но только в рамках значения тех утверждений, в которых они употребляются²², т.е. мы должны рассматривать не слово «право», но суждение «Вы имеете право», не слово «государство», но суждение «Он — гражданин или должностное лицо государства». Этот интересный подход получил дальнейшее развитие в работах Г. Л. А. Харта, который стал его применять уже к анализу всей правовой системы²³. Используя теоретические результаты Бентама, Харт предложил заменить традиционную форму определения вида «X — это...» новой техникой — «объясняющим прояснением» (*explanatory elucidation*). Такой подход позволяет уйти от «бесперспективного проекта выяснения того, что означают или подразумевают слова, взятые изолированно, и позволит заменить его характеристикой функции, которую осуществляют эти слова, когда они используются в работе правовой системы»²⁴. Так, например, вместо того, чтобы определять такое слово, как «обязанность», взятое отдельно, «нам следует исследовать законченное предложение, в котором оно используется; необходимо спрашивать не о значении слова “обязанность”, но о значении утверждения, что у человека есть обязанность, а затем искать перевод или подбирать синоним такому утверждению»²⁵.

Итак, суть метода Харта состоит в том, что вместо определения отдельно взятого термина необходимо рассмотреть предложение, где соответствующее языковое выражение используется и разъясняется, во-первых, через установление условий, при которых все высказывание является истинным, и, во-вторых, через то, как

---

²⁰ Bentham J. A Fragment on Government. P. 233.

²¹ Bronzo S. Bentham's Contextualism and Its Relation to Analytic Philosophy // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2014. Vol. 8. Pp. 5, 29.

²² Bentham J. A Fragment on Government. P. 233.

²³ См.: Hart H. L. A. Definition and Theory in Jurisprudence // Law Quarterly Review. 1954. Vol. 70. Pp. 37–60.

²⁴ Харт Г. Л.А. Аналитическая юриспруденция в середине XX века: ответ профессору Боденхаймеру // Философия и язык права. М. : Канон+, 2017. С. 147.

²⁵ Hart H. L. A. Essay on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory. Oxford : Clarendon Press, 1982. P. 43.

употребление такого предложения приводит к юридическому заключению в соответствии с определенными правилами.

Однако предложение заменить родо-видовое определение на метод, в котором учитываются условия истинности высказывания, оказалось небесспорным, напротив, эта идея Харта не раз подвергалась весьма резкой и в основном обоснованной критике²⁶. Например, П. Хакер предлагает интересные критические замечания, что и позиция Бената, и аргументы Харта против традиционного определения несостоятельны: «Нет никаких причин считать, что перефразировка определения или определение, основанное на условиях истинности, единственно приспособлены для определения фундаментальных правовых или нормативных понятий»²⁷. Хакер выдвигает весьма изощренные контраргументы и в итоге приходит к выводу, что определение Харта вполне может быть преобразовано в форму родо-видового определения²⁸.

А. Росс же, напротив, воспринял подход Харта как «значительный вклад в теорию права»²⁹ и предложил свою, усовершенствованную версию контекстуального определения. Так, он утверждает, что решающим фактором, объясняющим специфику определения юридических терминов, является не то, что эти термины обозначают некие факты, соответствующие нормам, но что они являются *системными терминами*. Это термины имеют исключительно логическую функцию. С их помощью устанавливается соответствие между разрозненным множеством эмпирических фактов и упорядоченным множеством юридических последствий. По мнению Росса, такие термины «нельзя опреде-

лить эксплицитно, но в качестве теоретических терминов их можно определить просто путем указания правил их использования; эти правила фиксируют условия, при которых утверждения, в которых появляются такие термины, являются истинными»³⁰. Рассмотрим в качестве примера предложение «А владеет *p*». С точки зрения Росса, истинность этого предложения зависит, с одной стороны, от набора фактических обстоятельств (например, «А купил *p*»), а с другой стороны, от определенных юридических последствий, которые вызваны отдельным фактическим обстоятельством (например, «А может требовать взыскания *p*, если *p* незаконно удерживается *B*»). Системные термины, по словам Росса, ничего не обозначают, они ни на что не указывают в наблюдаемом мире, поэтому такие термины не могут быть определены эксплицитно, а потому и нельзя ответить на вопрос «Что такое владение?»³¹. Слово «владение» в таком случае будет выступать в качестве связующего звена между обуславливающими фактами и обусловленными последствиями. Вот почему такие термины, как «владение», следует рассматривать в контексте их употребления (правоприменения), где они, выступая в качестве системных терминов, выполняют исключительно логическую функцию.

Как мы видим, идея контекстуальных определений в рамках современной логики и философии науки получила широкое распространение и объяснение. Контекстуальное определение приобрело самостоятельное эпистемологическое значение наряду с другими видами определения. Однако в юридической науке продолжает доминировать точка зрения Бената и Харта, что контекстуальное определение

²⁶ См., например: Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара : Изд-во Самар. гуманит. акад., 2014 ; Birmingham R. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again // Connecticut Law Review. 1984. Vol. 16. Pp. 775–801.

²⁷ Hacker P. Definition in Jurisprudence // The Philosophical Quarterly. 1969. Vol. 19. No. 77. P. 347.

²⁸ См.: Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Определение в аналитической философии права: П. Хакер versus Г. Харт // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 36–40.

²⁹ Ross A. Definition in Legal Language // Logique Et Analyse. 1958. Vol. 1. No. 3/4. P. 139.

³⁰ Ross A. Op. cit. P. 145.

³¹ Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Альф Росс об определении в юридическом языке. С. 223.

противопоставляется родо-видовому определению, причем последнее применительно к анализу юридических понятий признается неэффективным и непродуктивным. Мы же здесь придерживаемся мнения, что эти два вида определений вполне могут сосуществовать и в некотором смысле дополнять друг друга, учитывая различные области их применимости. Основной и наиболее характерной областью применения контекстуальных определений, на наш взгляд, являются конституционно-правовые нормы. Конституционно-правовые нормы при таком подходе рассматриваются в качестве контекстуальных определений основных понятий, с помощью которых формулируются другие нормы права. В то время как конституция трактуется в качестве внутренне непротиворечивого дискурса, контекстуально задающего смысл основных правовых понятий³².

Такая интерпретация конституции становится возможной, если мы допускаем, что конституцию можно уподобить аксиоматическим построениям в том смысле, который этому построению придается в исследованиях по логике и методологии дедуктивных наук. Смысл такого аксиоматического построения заключается в том, что аксиомы выступают в качестве контекстуальных определений тех понятий, с помощью которых они сформулированы. В этом отношении когерентность (синтаксическая непротиворечивость) аксиоматической системы является самодостаточной и свидетельствует о возможности соответствующей интерпретационной модели. Как нам представляется, подобная трактовка метода аксиоматического построения может быть экстраполирована и на понимание конституционно-правовых норм, как обладающих особым значением для системы права и высоким аксиологическим статусом. Действительно, конституция, исходя из ее понимания в качестве основного закона, должна

задавать параметрические характеристики всей системы права³³. Но чтобы понять, как это происходит, вполне может пригодиться аналогия с методами современных дедуктивных наук. Определение базовых понятий системы права, закрепленных в конституции, не может выходить за ее пределы, поскольку это означало бы выход за рамки самой системы права в сферу того, что к области права уже не относится. Тогда смысл понятий, используемых в формулировании положений конституции, должен быть, по-видимому, установлен в рамках нее самой. Но это возможно только при условии, что сами конституционно-правовые нормы рассматриваются в качестве контекстуальных определений используемых в них понятий.

Эта точка зрения пока не получила широкого распространения в юридической литературе. Более того, складывается ощущение, что подобная трактовка контекстуальных определений применительно к анализу понятий и терминов конституции никогда так явно не артикулировалась. Однако, на наш взгляд, данный подход в полной мере соответствует теории контекстуальных определений и даже в некотором смысле улучшает ее, привнося новые и оригинальные характеристики. Такое понимание использования контекстуальных определений понятий и терминов конституции обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, анализируя положения конституции, мы зачастую не преследуем цели установления конкретного значения того или иного термина, но стремимся лишь выяснить область его применения. Конкретное значение того или иного термина устанавливается в иных нормативных правовых актах, конкретизирующих и уточняющих положения конституции. Например, в ч. 3 ст. 6 Конституции РФ сказано: «Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить

---

³² См. подробнее: *Оглезнев В. В., Суровцев В. А.* Проблема верификации конституционных норм // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 48—58 ; *Ogleznev V., Surovtsev V.* The Constitution as an Axiomatic System // *Axiomathes*. 2018. Vol. 28. No. 2. Pp. 219—232.

³³ См.: *Гаджиев Г. А.* Официальное толкование конституции: сочетание онтологического и эпистемологического подходов // Правоведение. 2012. № 1. С. 130—154 ; *Хабриева Т. Я.* Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. 2008. № 12 (144). С. 15—23.

его», при этом ничего не говорится о том, что означает термин «гражданство». Значение этого термина задается контекстуально в ч. 2 ст. 6 Конституции РФ: «Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации». В то время как явное определение этого термина содержится в ст. 3 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: «Гражданство Российской Федерации — устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей». Во-вторых, посредством контекстуальных определений мы определяем интересующий нас термин не изолированно, но именно в контексте, в рамках которого мы его рассматриваем. Например, в ч. 1 ст. 3 Конституции РФ указано, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Но что такое «суверенитет»? Если мы исходим из

понимания того, что система контекстуальных определений основных понятий порождает синтаксически непротиворечивый дискурс их употребления, то мы обнаруживаем, что суверенитет, по смыслу ст. 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции РФ, предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на всей территории государства и благодаря этому выступает в качестве необходимого качественного признака Российской Федерации как государства. И, наконец, в-третьих, при таком подходе речь идет об определении не как об особой логической операции, а как о некоторой характеристике контекста, его отношении к термину. В этом смысле контекстуальные определения оказываются весьма полезными тогда, когда нам необходимо разъяснить предельно общие понятия и термины, используемые, как предполагается, в конституции. В результате чего определяемые термины становятся семантически осмысленными, а их употребление в юридическом языке синтаксически непротиворечивым.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Айер А. Дж. Язык, истина и логика. — М. : Канон+, 2010.
2. Апт Л. Ф. Дефиниции и право. — М. : Академия, 2008.
3. Бочаров В. А., Маркин В. И. Введение в логику. — М. : Форум, 2008.
4. Гаджиев Г. А. Официальное толкование конституции: сочетание онтологического и эпистемологического подходов // Правоведение. — 2012. — № 1. — С. 130—154.
5. Горский Д. П. Определение: логико-методологические проблемы. — М. : Мысль, 1974.
6. Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. — М. : Прогресс, 1971.
7. Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. — Самара : Изд-во Самар. гуманит. акад., 2014.
8. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Альф Росс об определении в юридическом языке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2018. — № 41. — С. 221—236.
9. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Определение в аналитической философии права: П. Хакер versus Г. Харт // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 421. — С. 36—40.
10. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Проблема верификации конституционных норм // Журнал российского права. — 2014. — № 10 (214). — С. 48—58.
11. Рассел Б. Об обозначении / Язык, истина, существование. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. — С. 7—22.
12. Титов В. Д. О специфике определений в юриспруденции // Логико-философские штудии. — 2005. — № 3. — С. 197—205.
13. Фреге Г. Логико-философские труды. — Новосибирск : Сибирское университетское издательство, 2008.
14. Хабриева Т. Я. Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. — 2008. — № 12 (144). — С. 15—23.

15. Харп Г. Л. А. Аналитическая юриспруденция в середине XX века: ответ профессору Боденхаймеру // *Философия и язык права*. — М. : Канон+, 2017. — С. 135—167.
16. *Bentham J.* A Fragment on Government. — Oxford : The Clarendon Press, 1891.
17. *Bentham J.* Essay on Logic // *The Works of Jeremy Bentham*. — Edinburgh : William Tait, 1843. — Vol. 8. — Pp. 213—293.
18. *Birmingham R.* Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again // *Connecticut Law Abstract*. — 1984. — Vol. 16. — Pp. 775—801.
19. *Bronzo S.* Bentham's Contextualism and Its Relation to Analytic Philosophy // *Journal for the History of Analytical Philosophy*. — 2014. — Vol. 8. — Pp. 1—41.
20. *Greimann D.* Contextual Definitions and Ontological Commitment // *Australasian Journal of Philosophy*. — 2009. — Vol. 87. — No. 3. — Pp. 357—373.
21. *Hacker P.* Definition in Jurisprudence // *The Philosophical Quarterly*. — 1969. — Vol. 19. — No. 77. — Pp. 343—347.
22. *Hart H. L. A.* Definition and Theory in Jurisprudence // *Law Quarterly Abstract*. — 1954. — Vol. 70. — Pp. 37—60.
23. *Hart H. L. A.* Essay on Bentham. *Studies in Jurisprudence and Political Theory*. — Oxford : Clarendon Press, 1982.
24. *Ogleznev V., Surovtsev V.* The Constitution as an Axiomatic System // *Axiomathes*. — 2018. — Vol. 28. — No. 2. — Pp. 219—232.
25. *Pap A.* Theory of Definition // *Philosophy of Science*. — 1964. — Vol. 31. — No. 1. — Pp. 49—54.
26. *Quine W. V. O.* *Epistemology Naturalized* // *Ontological Relativity and Other Essays*. — New York : Columbia University Press, 1969. — Pp. 69—90.
27. *Quine W. V. O.* *Five Milestones of Empiricism* // *Theories and Things*. — Cambridge : Harvard University Press, 1981. — Pp. 67—72.
28. *Reichenbach H.* *Elements of Symbolic Logic*. — London : Macmillan, 1947.
29. *Ross A.* Definition in Legal Language // *Logique Et Analyse*. — 1958. — Vol. 1. — No. 3/4. — Pp. 139—149.

Материал поступил в редакцию 18 июля 2018 г.

CONTEXTUAL DEFINITIONS AND THEIR APPLICABILITY IN THE LANGUAGE OF LAW ³⁴

OGLEZNEV Vitaliy Vasilevich, doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law of the Law Institute of the National Research Tomsk State University
ogleznev82@mail.ru
634050, Russia, Tomsk, pr. Lenina, d. 36

Abstract. Contextual definitions within the framework of modern logics and philosophy of science are widely used and explained. Moreover, they have acquired an independent epistemological meaning, along with other types of definitions. However, in the humanities, their applicability has been questioned and challenged many times. The author, on the contrary, substantiates the premise that the effectiveness of contextual definitions, in particular in the legal language, is not lower, and sometimes even much higher than the effectiveness of generic definitions. In a contemporary, especially western legal science, Bentham's and Harts's points of view that the contextual definition is opposed to the genetic definition continues to dominate, and the latter in relation to the analysis of legal concepts is recognized as ineffective and unproductive. The author is of the opinion that these two types of definitions may

---

³⁴ The study has been performed with the financial support of the Grant Council of the President of the Russian Federation (Project No. MD-1530.2018.6).

well coexist and in some sense complement each other, taking into account different areas of their applicability. The main and most characteristic area of application of contextual definitions, according to the author, are the constitutional rules of law. Constitutional rules of law in this approach are considered as contextual definitions of the basic concepts by which other rules of law in the legal system are formulated. Contextual definitions are very useful when we need to clarify the very general concepts and terms that can be found, for example, in the text of the Constitution. As a result, the defined terms become semantically meaningful, and their use in the legal language becomes syntactically consistent.

Keywords: *contextual definition, generic definition, legal language, legal concepts, terms.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ayer A. Dzh. Yazyk, istina i logika. — M. : Kanon+, 2010.
2. Apt L. F. Definitzii i pravo. — M. : Akademiya, 2008.
3. Bocharov V. A., Markin V. I. Vvedenie v logiku. — M. : Forum, 2008.
4. Gadzhiev G. A. Ofitsial'noe tolkovanie konstitutsii: sochetanie ontologicheskogo i epistemologicheskogo podkhodov // Pravovedenie. — 2012. — № 1. — S. 130—154.
5. Gorskiy D. P. Opredelenie: logiko-metodologicheskie problemy. — M. : Mysl', 1974.
6. Karnap R. Filosofskie osnovaniya fiziki. Vvedenie v filosofiyu nauki. — M. : Progress, 1971.
7. Kasatkin S. N. Kak opredelyat' sotsial'nye ponyatiya? Kontseptsiya askriptivizma i otmenyaemosti yuridicheskogo yazyka Gerberta Kharta. — Samara : Izd-vo Samar. gumanit. akad., 2014.
8. Ogлезnev V. V., Surovtsev V. A. Al'f Ross ob opredelenii v yuridicheskom yazyke // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. — 2018. — № 41. — S. 221—236.
9. Ogлезnev V. V., Surovtsev V. A. Opredelenie v analiticheskoy filosofii prava: P. Khaker versus G. Khart // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2017. — № 421. — S. 36—40.
10. Ogлезnev V. V., Surovtsev V. A. Problema verifikatsii konstitutsionnykh norm // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2014. — № 10 (214). — S. 48—58.
11. Rassel B. Ob oboznachenii / Yazyk, istina, sushchestvovanie. — Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2002. — S. 7—22.
12. Titov V. D. O spetsifike opredeleniy v yurisprudentsii // Logiko-filosofskie shtudii. — 2005. — № 3. — S. 197—205.
13. Frege G. Logiko-filosofskie trudy. — Novosibirsk : Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, 2008.
14. Khabrieva T. Ya. Teoriya sovremennogo osnovnogo zakona i rossiyskaya Konstitutsiya // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2008. — № 12 (144). — S. 15—23.
15. Khart G. L. A. Analiticheskaya yurisprudentsiya v seredine XX veka: otvet professoru Bodenkhaymeru // Filosofiya i yazyk prava. — M. : Kanon+, 2017. — S. 135—167.